

**«КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»**
(Секция «История»)

**Церковно-приходские попечительства второй половины XIX века:
от материального к духовно-нравственному**

М.Н. Борисенко, священник

г. Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Деятельность церковно-приходских попечительств второй половины XIX в. представляет значительный интерес как с точки зрения анализа взаимодействия различных слоев общества Области войска Донского, в данном случае духовенства и мирян, так и с точки зрения развития идеи изыскания средств дополнительного обеспечения церквей в идею оживления приходской жизни.

2 августа 1864 г. в Русской Православной Церкви (в Донской епархии с 1865 г.) был учрежден качественно новый орган, задача которого заключалась в изыскании дополнительных средств на содержание, ремонт и удовлетворение ежедневных нужд церквей, на содержание церковных причтов, на содержание приходских школ и благотворительные нужды [1]. Впервые взоры были обращены внутрь прихода, и впервые прихожанам была дана в руки инициатива в обеспечении своего приходского храма.

Довольно скоро узкие задачи церковно-приходских попечительств стали переосмысляться в более широком ключе. Уже в 1894 г. на страницах прессы, помимо забот о благосостоянии храмов и причтов, приходские попечительства призывались принимать участие «в повышении нравственно-религиозного состояния прихожан и для исправления пороков в народе» [2]. К началу XX в. церковно-приходские попечительства мыслились не просто как учреждения, чья деятельность должна была быть направлена на изыскание дополнительных средств для нужд церкви. На них возлагались совершенно

определенные надежды, связанные с оживлением жизни внутри прихода. В 1905 г. свящ. Д. Смирнов в статье, опубликованной в «Донских епархиальных ведомостях», приводил знаменательные слова архиепископа Никанора, в которых отражены те чаяния, которые ожидалось от попечительств: «Около них [церковно-приходских попечительств] должна и может сосредоточиться нравственно-общественная сила прихода. Нужно, чтобы приходы, как живые единицы русского православного христолюбивого народа, оживились, развились и окрепли. Нужно, чтобы попечительства всюду водворили крепость боголюбивого духа и даже строгость на шаткость нравов и чтобы эта строгость была поддержана властью» [3]. Как видно, цели попечительств вышли за пределы утилитарности. Но соответствовала ли практика столь высоким ожиданиям?

На примере Донской епархии, где приходские попечительства с большим трудом начали организовываться только с 1865 г., видно, что, как и многие инициативы государственной власти, касающиеся внутрицерковной жизни, учреждение приходских попечительств не достигло своих целей, как в материальном, так и в духовно-нравственном направлении, хотя в некоторых (малочисленных) станицах польза, приносимая попечительствами, была довольно ощутимой – именно их усилиями переносились и украшались храмы, содержались богадельни и школы. Однако до уровня «водворения крепости боголюбивого духа» донские попечительства никогда не поднимались, их деятельность ограничивалась главным образом материальной стороной.

Литература

1. Выписка из журналов Государственного Совета относительно устройства приходских попечительств при православных церквях // Донские епархиальные ведомости. 1869. 13 апреля. № 15.

2. С.К.П. К вопросу о мерах, какие следует принимать церковно-приходским попечительствам для подъема религиозно-нравственного состояния приходов // Донские епархиальные ведомости. 1894. 15 марта. № 6.

3. Смирнов Д., свящ. Церковно-приходские попечительства // Донские епархиальные ведомости. 1905. 11 мая. № 14.

Изменения в сфере культуры в Татарстане в конце 1950-начале 1960 гг.

А.М. Валиев

Казань, Институт истории Академии наук Республики Татарстан

Россия всегда развивалась как многонациональное государство. Отсутствие межнационального и межконфессионального консенсуса приводило к широкомасштабным волнениям. Национальный вопрос стал одной из причин распада СССР. В таком полиэтничном государстве, как Российская Федерация, всегда актуальными являются работы, направленные на гармонизацию межнациональных отношений, выработку взвешенной государственной политики в такой важной сфере, каковой является образование. В условиях нарастания продовольственной проблемы, которая постепенно приобретает глобальный характер, важно учесть уроки прошлого в отношении социально-бытового и культурного развития села.

1. К концу 1950-х гг. органы Министерства Образования ТАССР значительно ослабили внимание к татарским школам. В республике происходило резкое сужение сферы применения татарского языка [1].

2. Небольшое количество татарских детей обучалось в русских школах и раньше. Другое положение сложилось в 1950-е гг., когда началось массовое поступление татарских детей в русские школы, в русские классы. Это привело к нарушению основного принципа советской национальной школы – обучения на родном языке [1].

3. В Татарстане национальные школы в большинстве своем не давали учащимся серьезных знаний по русскому языку, что в условиях господства в промышленной сфере и в высших учебных заведениях русского языка становилось одной из важных проблем татарского сельского населения [2].

4. Нельзя было признать достаточным количество татар, обучающихся в вузах в рассматриваемый период. Оно не отвечало возросшим потребностям народного хозяйства и культуры национальной республики. На страницах печати поднимался вопрос о необходимости увеличения приема в вузы молодежи, окончившей татарскую школу и имеющей стаж практической работы. Такая необходимость вызывалась тем, что в послевоенный период многие татары, окончившие вуз, уже не владели татарским языком и отказывались ехать на работу в районы с татарским населением [1].

5. В советский период гораздо большее внимание уделялось механизации и интенсификации производства, нежели развитию социально-бытовой и культурной сферы [3].

6. Гораздо меньшее внимание уделялось государством развитию социально-бытовой и культурной сферы в сельской местности [4].

7. Часто имеющиеся финансовые средства использовались для благоустройства и улучшения работы культурно-просветительных учреждений неэффективно. Материально-техническая база многих учреждений, несмотря на широкий размах строительства, находилась в неудовлетворительном состоянии [5].

8. Дисбаланс в социально-экономическом и культурно-бытовом положении городского и сельского населения вел к непрерывному росту городского населения за счет сокращения сельского [6].

Литература

1. К. Фасеев. Неотложные задачи работы татарских школ // Коммунист Татарии. – 1958. - №6.

2. Кременская А. // Коммунист Татарии. – 1960. - №1.

3. Лебедев Б. О преодолении существенного различия между городом и деревней // Коммунист Татарии. – 1961. - №1.
4. Батыев С. Насущные задачи Советов на селе // Коммунист Татарии. – 1961. - №7.
5. Больше внимания культурно-просветительной работе на селе // // Коммунист Татарии. – 1960. - №12.
6. Горник. Развитие социальной активности рабочих. Казань: Татарское книжное издательство. – 1985.

**Незаконные порубки леса в годы
Гражданской войны (по материалам Псковской губернии)**

М.В. Васильев

г. Псков, Псковский государственный университет

Революция 1917 г. наглядно продемонстрировала, что в условиях политической нестабильности и слабости государства, использование и сохранность природных ресурсов происходит по принципу захватного права. Незаконное использование лесных богатств происходит и в наши дни, что придает заявленной теме дополнительную актуальность.

В соответствии с декретом «О земле» и «Основным законом о социализации земли» все лесные угодья, вне зависимости от их дореволюционной принадлежности, переходили в собственность государства. Но крестьяне повсеместно проигнорировали это положение законодательства и отказывались признавать особые права государства на лесные угодья. Если летом – осенью 1917 г. порубка леса крестьянами происходила стихийно, то после Октябрьской революции крестьяне считали себя полноправными хозяевами всех лесных угодий. Началась массовая, никем не контролируемая заготовка леса. С.М. Дубровский отмечал: «Крестьянин брал от революции все, что она ему

давала, благо пока что она ничего от него не требовала. Деревенское общество жило как бы само по себе «переваривая» приобретенное» [1]. С 1918 г. органы Советской власти провели ряд мер по ужесточению контроля за использованием лесов, крестьяне стали привлекаться к ответственности за самовольные порубки и пользование лесными ресурсами [2]. Но окончательно леса и уже заготовленные крестьянами, имеющиеся пиломатериалы были поставлены на учет только к осени 1920 г. [3]. Многочисленные призывы, активная агитационная работа Советской власти и запугивание штрафами не могли остановить псковских крестьян от порубки леса. На протяжении 1918 – 1919 гг. на селе в отношении лесов продолжало существовать захватное право [4]. Крестьяне продолжали самовольно рубить лес, искренне считая его своей собственностью. В отчетах лесничих указывалось, что «...местные крестьяне даже не скрывали его (срубленный лес – авт.) от проверки, заявляя, что «срубили этот лес по причине того, что им не дали необходимого количества для постройки» [5]. Продолжались самовольные порубки леса в Псковской губернии и в 1920 г. Так, в телеграмме Островского уездного лесного комитета отмечалось о незаконной рубке леса в дубовой роще у станции Брянчаниново: «Старые дубы аршинной толщины срезаются кем попало, не имея на то никаких распоряжений... На вопрос кто разрешил рубку дров – ответ короткий: Никто, люди рубят и мы тоже по их примеру» [6]. В результате активных самовольных порубок леса в псковских деревнях повсеместно появился целый ряд новых построек. Многие крестьянские хозяйства, которые имели в достаточном количестве рабочие руки и лошадей, обзавелись новыми срубами домов [7]. Этнограф В.Г. Тан-Богораз обобщая наблюдения, писал: «До сих пор у редкого крестьянина нет поставленной новенькой клетки или запасенных бревен, нарубленных с выбором, с любовью и, конечно, бесплатно» [8]. Порубка леса в это время не имела ничего общего с уравнительными принципами, так как заготовить и перевести большое количество лесоматериала могли только те крестьянские хозяйства, которые рас-

полагали лошадьми, подводами, специальным инвентарем и необходимым количеством рабочих рук. Слабое крестьянское хозяйство было вынуждено довольствоваться малым, хотя не оставалось безучастным в деле самовольных захватов лесных угодий. Советской власти еще предстояло упрочиться на местах, чтобы взять под контроль лесные богатства республики.

Литература

1. Дубровский С.М. Очерки русской революции. М., 1923.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
3. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 128. Л. 4 – 8.
4. Центральный государственный архив Сн-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 8957. Оп. 1. Д. 25. 19 об.
5. ГАПО. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 7 – 9, 13.
6. ГАПО. Ф. Р-66. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
7. ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 461. Л. 6.
8. Тан В.Г. Революция в деревне // Революция в деревне. Очерки. М.-Л., 1924.

Ликвидация безграмотности в первое десятилетие Советской власти (по материалам Себежского уезда Псковской губернии)

С. М. Везовитов

г. Псков, Псковский государственный университет

После прихода в 1917 г. Советской власти в стране произошли серьезные изменения в социально-культурной жизни. В первую очередь, новой власти пришлось решать давно назревшие вопросы образования. Именно от уровня образования зависит процветание и развитие государства, в связи с чем и сегодня этой сфере уделяется особое внимание. Главной проблемой образо-

вания Себежского уезда являлся низкий уровень охвата населения школами, слабая мотивация к знаниям, недоступность к школам основной части крестьянства. К 1917 г. на территории уезда находилось 127 школ, из них 28 министерских, 53 земских, 33 церковно-приходских и 13 частных, в которых обучалось в общей сложности 5089 учащихся[1]. Но этого было недостаточно. Поскольку значительная часть населения уезда, была безграмотна, среди крестьянства она составляла 70 %. Из 4096 жителей Себежа почти половина – 1697 чел. не имела никакого образования, 250 чел. из этого числа были полуграмотными, а 1413 полностью неграмотными. Поэтому главной задачей новой власти было скорейшее преодоление безграмотности путем охвата всеобщим обучением молодого поколения [2].

Для этого требовалась расширение сети школ. Уже к 1920 г. на территории уезда было открыто 160 школ первой ступени (5 из них находились в Себеже), 6 школ второй ступени (3 из них в Себеже) и школа ручного труда [3]. Советское образование использовало новую систему преподавания: введен бригадно-групповой метод обучения, школы приближены к производству, (сельские школы получили свои приусадебные участки), при школах открывали библиотеки, численность книг в которых постоянно росла. К 1 октября 1923 г. в уезде действовали 142 школы, в следующем году сеть их несколько уменьшилась, и на 1 августа 1924 г. составила 137. В 1923/1924 учебном году школу первой ступени (трехлетка) окончили 447 учащихся, четырехлетки – 228 учащихся, второй ступени (пяtilетка) – 162 учащихся [4].

В 1924/1925 учебном году при уменьшении числа школ первой ступени до 127, число посещавших их, тем не менее, возросло до 6 227 учащихся. По-прежнему, невелико количество школ второй ступени – всего 5 с 462 учащимися. В Себеже действовали три школы первой ступени (337 учеников) и две школы второй ступени (351 ученик). Всего в уезде обучалось 17 777 человек, в том числе в возрасте от 8 до 11 лет – 10 818 человек [5]. Таким образом,

безграмотность постепенно уменьшалась и к 1926 г. составляла небольшой процент среди жителей Себежского уезда [6].

В 1927 г. на территории Себежского уезда действовало 125 школ, преподаванием в которых занималось 184 учителя и обучалось 8340 учеников. Кроме этого, в Себеже была единственная в уезде школа для еврейского населения, в которой училось 37 учеников, а преподавательской деятельностью, к сожалению, занимался один учитель [7].

Таким образом, за первое десятилетие Советская власть смогла практически полностью решить один из главных вопросов – грамотность населения. Во – первых, в уезде была создана разветвленная сеть школ; во-вторых, в них были созданы все условия для получения образования (здания, учебная литература, преподавательский состав); в-третьих, росла мотивация населения для получения образования.

Литература

1. Псковский край: краеведный сборник. Псков, 1927.
2. Научный фонд СКМ. Ед. хр. 66.
3. Научный фонд СКМ Ед. хр. 68.
4. ГАПО. Ф. Р-590, оп. 1, д. 1530. л. 131..
5. ГАПО. Ф. Р-590, оп. 1, д. 1548. л. 58..
6. ГАНИПО. Ф. 6078, оп. 1, д. 279, л. 13.
7. Псковский край: краеведный сборник. Псков, 1927.

Модернизация жилого пространства у городских татар-мусульман в конце XIX – в начале XX веков

Л.Р. Габдрафикова

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

История повседневности – новое направление в исторической науке, в региональных исследованиях она еще практически не разработана. Этногра-

фические работы отличаются статичностью, в них большее внимание уделяется традиционной культуре. В конце XIX – начале XX вв., на фоне буржуазных изменений в России и мире, наблюдается трансформация татарской мусульманской общины, когда преобразования коснулись всех сфер жизни татарского народа. В этой связи представляется актуальным изучение особенностей домашнего быта городских мусульман, обусловленных сложным, противоречивым процессом перехода от традиционной культуры к общим европейским стандартам.

Еще в начале XIX в. некоторые татары стремились устраивать свой быт в европейском стиле; но эта часть дома использовалась для показательных целей. Женская половина (жилые делилось на две части) была скрыта от посторонних глаз и устраивалась в традиционном стиле. Презентационная модернизация дома еще не означала полной перестройки быта его обитателей на новый лад. Вначале перенимали опыт русских соседей дворяне, чиновники, военные, интеллигенция. Далее следовали купцы. Переломным моментом стало начало XX в. Возникшее еще в конце XIX в., джадидское движение (исламская реформация), признала многие явления допустимыми. Но даже в современных интерьерах татары подчеркивали свое вероисповедание. Например, на фасаде казанского особняка Бадретдина Апанаева, построенного в стиле модерн, арабской вязью было выведено слово «Аллах». В этом же стиле были оформлены интерьеры дома купца и благотворителя Ахмеда Хусаинова в Казани [1]. Ахмед бай слыл большим ревнителем веры, помогал татарским медресе. Перестройка интерьеров мусульманских учебных заведений сыграла значительную роль в модернизации жилого пространства. В медресе уже с 1890-х гг. появились парты, столы, стулья. Раньше ученики учили уроки, сидя на полу. В общежитиях вместо лежанок поставили железные кровати. Оборудовались столовые. Новые условия обучения и проживания меняли привычки учащихся.

Важным фактором модернизации стало развитие путей сообщения. Интерьеры кают и купе отличались от убранства татарского дома. Так татары на практике знакомились с другим бытом и перенимали некоторые элементы. Популяризация фотоснимков, вместе с ним и изобразительного искусства, так же оказали влияние на декоративное оформление интерьеров, хотя у городских татар не принято было вешать на стены фотографии [2]. Их украшали картинами, часами, зеркалами. Новое понимание жилого пространства сочетало в себе как обычную моду на европейский образ жизни, так и практическую необходимость. Богатые семьи проводили электрическое освещение, телефонную связь. Изменились и предметы ритуального характера. Например, новшеством были умывальники. До этого пользовались кумганом – кувшином для умывания. Однако люди старшего поколения трудно привыкали к этому сантехническому новшеству [3].

Если до конца XIX в. в жизни городских татар была скорее декоративная модернизация жилого пространства (мебель для гостиной, часы и т.п.), то в начале XX в. это коснулось самой деликатной сферы. Переход осуществлялся, в основном, через молодежь. Они легче перестраивались на новый лад. Связано это было как с пошатнувшимися религиозными устоями, так и буржуазными преобразованиями, интеграцией татар в общеимперскую социально-экономическую жизнь.

Литература

1. Хвостов В. Купеческая Казань // Старая и Новая Казань. Казань, 1927.
2. Насыри К. Избранные произведения (на тат.яз). Т.3. Казань, 2005.
3. Исхаки. Г. Мугаллима (на тат. яз) // Г.Исхаки. Соч: В 15 т. Казань, 2003. Т.4.

Институализация цензуры в политической системе СССР

С.А. Дианов

г. Пермь, Пермский государственный педагогический университет

При исследовании советского общества особо важным представляется изучение его надстройки – разного рода учреждений на центральном, республиканском и местном уровнях. Государственные структуры играли преобладающую роль в жизни советского общества. Вместе с тем следует констатировать, что история советских государственных учреждений еще не написана. Это не значит, что профессиональное сообщество не подступило к исследованию данной проблематики. Есть исследования по истории органов государственной безопасности, союзных управленческих структур, партийных органов ВКП (б), милиции. На их основе можно утверждать о наличии некоего общего образа, зияющего на современном представлении историков о советском государственном аппарате. Точно воспроизвести, как функционировала система государственного управления в СССР в разные периоды, как взаимодействовали друг с другом различные учреждения, как менялись границы их компетенций, на базе введенного в научный оборот источниковедческого материала не представляется возможным. В этой связи изучение органов политической цензуры Главлита представляется важным для исторической науки по следующим основаниям. Во-первых, органы Главлита являлись одним из элементов системы политического контроля над обществом. Во-вторых, органы Главлита взаимодействовали со многими советскими учреждениями. В-третьих, в деятельности органов Главлита отражались общие закономерности развития советской политической системы. Параллельно появлялись некие особенности, связанные с методами формирования их структуры, кадровым наполнением, функциями. Институализация органов политической цензуры в 1920-1930-е гг. позволяет понять, как происходило конструирование властной системы в СССР.

Институализация цензурных практик была составной частью процесса конструирования новой властной системы. Ее можно рассматривать как некий компромисс между доктринальными традициями «старого большевизма», отвергающими цензуру, и текущими потребностями нового аппарата. Продуктом компромисса стало включение цензурного ведомства в структуру Наркомпроса РСФСР с соответствующими (низкими) статусными позициями. Циркуляры, издаваемые от имени наркомата А.В. Луначарского, не были обязательными для партийных органов. Следует заметить, что цензоры прилагали большие усилия в борьбе за привилегии, льготы и жилье. Несмотря на их активную позицию, региональные власти удовлетворяли их интересы по так называемому остаточному принципу [1].

Партийный контроль за работой органов цензуры фактически отсутствовал. До середины 1930-х гг. низовой состав уральской цензуры формировался без прямого участия партийных органов. Партийные комитеты ВКП (б) не видели в работниках Главлита партнерскую структуру. Кроме того, органы госбезопасности (ГПУ-НКВД) оказывали работникам Главлита «техническую», информационную и административную помощь. Чекисты следили за соблюдением цензорами нормативов секретного делопроизводства, осуществляли последующий цензурный контроль, проводили совместные с Литами акции по контролю на книжном рынке и библиотечной сети. В 1920–1930 гг. в советской провинции только складывались принципы и механизмы цензурного контроля над издательским делом. Типографии и издательства применяли разную тактику ухода из-под контроля. В частности, уральские органы Главлита выполняли задачи по цензуре зрелищ. Однако на практике репертуарный контроль стал одним из самых слабых мест в деятельности уральских цензоров. Контроль органов Главлита за радиовещанием не был системным, а в некоторых территориях Урала к концу 1930-х гг. вообще отсутствовал. Цензоры постоянно сталкивались с противодействием радиовещательных организаций. Конфликты со связистами приводили к дезорганизации работы

органов Главлита. В 1920–1930-е гг. формировался кадровый аппарат института политической цензуры. Проведенное нами исследование позволяет предположить, что кадровый состав Главлита находился в кризисном состоянии, которое усугублялось высокой текучестью кадров, плохой материальной обеспеченностью цензурного дела, невниманием местных партийных и советских органов власти к нуждам цензуры [2].

Литература

1. Дианов С.А. Уральская цензура в лицах. Политическая цензура на Урале в 1920-1930-е гг. Пермь, 2011.
2. Дианов С.А. «Крепкая узда пролетарской диктатуры»: органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг. Пермь, 2010.

К вопросу о реализации реформы П.Д.Киселева по просвещению населения Чувашского края

А.В. Зотиков

г. Чебоксары, Чувашский государственный университет

В исторической литературе деятельность сельских приходских училищ Министерства государственных имуществ на территории Чувашского края во второй трети XIX в. не нашла еще должного отражения. Роль реформы П.Д.Киселева в повышении грамотности населения Чувашии до сих пор еще не изучена и оценена. Сегодня в высших учебных заведениях создаются попечительские советы. Такой подход существовал и в годы функционирования сельских приходских училищ.

Одним из пунктов реформы П.Д. Киселева было повышение культурного уровня государственной деревни. Этого требовали прежде всего задачи реформы: нельзя было проводить преобразования в селах и волостях, не имея

подготовленного штата писарей и выборных крестьянских начальников; с другой стороны, необходимо было расширить грамотность государственных крестьян, для того чтобы обеспечить реализацию хозяйственных и культурных нововведений. Указом от 27 июня 1842 г. было предписано учредить в казенных селениях сельские приходские училища на основе Устава 1828 г. об учреждении приходских училищ. Согласно указу от 23 ноября 1842 г., цель сельских приходских училищ заключалась в «распространении и утверждении между государственными крестьянами религиозно-нравственного воспитания и первоначальных, более или менее для каждого сословия, нужных сведений» [1, с. 152].

Всего с 1840 по 1845 гг. в Чувашском крае было открыто 25 приходских училищ Министерства государственных имуществ [2]. В них обучали чтению, чистописанию, закону Божьему, арифметике и счетоводству. Все училища испытывали недостаток в учебных пособиях. В документах констатируется скудость библиотек и крайняя нужда в учебниках. Учителями во всех школах служили священники, именуемые наставниками. Наставники не всегда владели навыками обучения на должном уровне, поскольку в училища государственных имуществ допускались лица без специальной подготовки. Зачастую сельские общества не могли обеспечить училище должным помещением, соответствующим школьным требованиям.

В обязанность штатного смотрителя уездного училища входило каждое полугодие осуществлять проверку состояния сельских приходских училищ. По итогам проверки составлялся отчет, направляемый затем окружному начальнику ведомства государственных имуществ, где подробно освещалось качество преподавания, состояние помещения школы, успехи учащихся, используемые учебные и наглядные пособия, состояние библиотеки, посещаемость учащимися занятий, а также предложения для улучшения дел [3]. Наиболее острой проблемой для сельских приходских училищ было отсутствие стабильности и регулярности в посещении занятий учащимися.

Другой проблемой были трудности в обучении детей из чуваш, которые не знали русского языка и с трудом осваивали русскую грамматику. В 1857 г. штатный смотритель Ядринского уездного училища Петр Андреев после очередной проверки дает практические рекомендации, как ускорить и облегчить занятия учеников из чуваш, советуя развивать способы взаимного обучения по методу Ланкастера при помощи таблиц. П. Андреев считал, что взаимное обучение ускоряет и облегчает овладение русским языком, кроме этого, он рекомендует употреблять выговор гражданский. Обучение письму было рекомендовано начать по песку (по методу Ходорковского или Половцева), а не по бумаге, причем скорописью [4]. Однако никто из проверяющих не советовал использовать родной язык в процессе обучения.

Наиболее преданные делу образования наставники, заинтересованные в наилучших результатах обучения, пришли к убеждению, что успехи образования во многом зависят от того, на каком языке обучается ученик. Многолетние наблюдения привели их к выводу о необходимости использования чувашского языка в обучении. В Ядринском уезде этим приемом начали пользоваться священники М.Троицкий – в Абызовском училище, М. Краковский – в Шемердяновском училище, Н.Ходяшев – в Чурашевском. В итоге в училищах, где был найден общий язык для учителя и учащихся, успеваемость была выше. В Шемердяновском училище священник Краковский добился абсолютной посещаемости учениками занятий, расположив к себе и родителей учеников [5].

В некоторых училищах преподавали наставники, окончившие педагогические курсы при Казанской семинарии. В Ядринском уезде ими были: учитель Шуматовского училища Григорий Дроздов, Русско-Сорминского – Антон Добромыслов, Оточевского – Андрей Воскресенский, Чурашевского – Александр Смеловский. В остальных училищах были местные священники: в Норусовском – священник Иван Долматов, в Абызовском – священник Иван Троицкий, в Салтыгановском – священник Захарий Ливатов [6].

Сельские приходские училища сыграли определенную роль в деле просвещения низших сословий, коим относились крестьяне. Учебные заведения МГИ положили основу для распространения начального образования среди населения Чувашского края, стали очагами просвещения в уездах. Именно на их базе вскоре появилась возможность для создания многочисленных земских и церковных школ.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. XVII. №15794; № 16248.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 222. Оп. 1. Д.145. Л. 1 об. – 2; Ф.216. Оп.1. Д.35. Л. 355– 368 об.; Ф.211. Оп. 3. Д. 90. Л. 4об.
3. ГИА ЧР. Ф.222. Оп. 1. Д. 75. Л. 21– 22 об.
4. ГИА ЧР. Ф.222. Оп. 1. Д. 147. Л. 6, 8, 45, 49, 57.
5. ГИА ЧР. Ф.211. Оп. 3. Д. 17. Л. 118.
6. ГИА ЧР. Ф.222. Оп. 1. Д. 68. Л. 1– 2 об.

Реализация принципов национализма в Турецкой Республике в 20-30-е гг. XX века

Р.И. Измайлов

г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Двадцатый век называют «веком национализма», поскольку именно в этом веке произошло крушение феодальных и колониальных систем, происходило становление наций и национальных государств в большинстве стран мира. Национализм из явления европейского и ограниченного стал актуальным для реальной политики многих стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые переживали период национально-освободительного движения и станов-

ления независимых государств [1]. Одновременно с этими процессами происходил переход от феодального или родового общества к индустриальному и либерально-демократическому, происходило становление общегосударственного национализма, разрушение прежнего этносоциального и общинного сознания.

Проблема сущности, происхождения и эволюции нации и национализма в пределах одного государства относится к числу самых острых вопросов новейшей истории. Турция в этом отношении является интересным и важным примером, актуальным не только для понимания этих процессов в странах «Третьего мира», но и для современной политической практики России.

Объясняется это тем, что именно Турция стала одной из первых стран Ближнего Востока, которая вступила на путь индустриализации и сделала национализм основой политической доктрины и социально-экономической и культурной политики страны.

Уже во время борьбы с иностранной интервенцией [2] Мустафа Кемаль Ататюрк понимал невозможность существования старого порядка: «Самые основы Оттоманской империи уже расшатаны... Вся территория империи была расчленена... В этой обстановке решением должно быть создание нового Турецкого государства, основанного на национальном суверенитете и пользующегося независимостью без всяких оговорок и ограничений» [3, с. 18].

Изменения политических границ и этнической «картины» государства дали повод для создания нового государства, построенного на национальном принципе. В понимании кемалистов турецкий национализм был тесно связан с понятием турецкого национального государства, и осуществляться должен был исключительно в рамках последнего. Акцент в идеологии национализма ставился именно на укреплении общенационального самосознания турок, консолидации турецкого, культурного пространства.

Помехой на пути создания нового культурного «содержания» являлась религия. Как отмечает историк Д.Е. Еремеев «единственное, что объединяло

турок, это – ислам» [4, с. 203]. Пронизывающий всю структуру мусульманского общества, ислам одновременно являлся и консолидирующим фактором и помехой на пути создания национального единства.

30 августа 1925 г. М.К.Кемаль сделал примечательное заявление: «Турецкая республика не может быть страной шейхов, дервишей, мюридов и их приверженцев. Самый верный, самый истинный путь (тарикат) – путь к цивилизации. У цивилизации одно требование, одно веление – быть человеком и этого вполне достаточно» [5, с. 173].

В то же время национальная политика требовала налаживания коммуникаций между политической элитой и массами. Эта задача толкнула правительство Турецкой Республики на следующий коренной перелом в жизни и сознании общества – переход турецкого языка с арабской графики на латинскую. Обусловлено это было тем, что арабская вязь тесно переплелась с религиозным мировоззрением общества.

Необходимо было пошатнуть многовековую религиозную гегемонию, что и было сделано в 1924 г. Отмена халифата и сразу за ним Министерства шариатского суда и вакуфов, затем обеспечение единообразия в образовании и судопроизводстве явились первыми наиболее важными шагами в создании унитарного национального государства [6].

Литература

1. Калхун К. Национализм. М., 2006.
2. Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918-1923 гг. М., 1966.
3. Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами: Очерки внешней политики. М., 1992.
4. Еремеев Д.Е. Этногенез турок (Происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
5. Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М., 2007.
6. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока. М., 1956.

**Материальное обеспечение работающих пожилых людей
и инвалидов в 20-30-х гг. XX в.**

А.С. Ковалев

*г. Красноярск, Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

Одним из важных элементов политики занятости инвалидов в 1920-30-х гг. был вопрос о материальном обеспечении работающих инвалидов и пожилых людей. Государство, вовлекая последних в трудовую деятельность, фактически лишало пенсии как заслуженного источника дохода и должно было предложить взамен не только заработную плату, которая при пониженной трудоспособности вряд ли была достойной, но и дополнительные гарантии. В начале 20-х гг. на основании Постановления НКСО от 20.03.1920 г. право на получение пенсии в половинном размере при поступлении на работу сохранялось только за инвалидами войны, правда, если только заработок инвалида не превышал сумму необлагаемого минимума по подоходному налогу (до 100 руб.). При заработке, превышающем эти размеры, выплата пенсии прекращалась [1]. В начале 30-х гг. пенсионное обеспечение параллельно с выплатой заработной платы работающему инвалиду или пожилому человеку было возможно только в системе социального страхования. Положение «О пенсиях и пособиях по социальному страхованию» от 13.02.1930 г. определяло, что «если пенсионер... имеет заработок или иные доходы, то выплата пенсии... может быть приостановлена или вовсе прекращена, либо размер их может быть уменьшен». Только в случае вступления пенсионера в кооперативную артель или колхоз страховая касса вносила за него пай или с удержанием из причитающейся инвалиду пенсии [2].

В апреле 1932 г. работающим пенсионерам были предоставлены дополнительные льготы. До этого пенсии выплачивались им в таком размере, чтобы пенсия вместе с заработком не превышала в общей сложности прежнего зара-

ботка пенсионера. Если сумма пенсии и заработка не превышала в совокупности 100 рублей, пенсия выплачивалась полностью, в противном случае основным считался заработок, а остальное «догонялось» пенсией. Теперь же пенсионерам «из числа квалифицированных рабочих и специалистов дефицитных профессий... или по своей специальности непосредственно на производстве», пенсия выплачивалась в размере 75% независимо от заработной платы. Остальным пенсионерам, не прекратившим трудовую деятельность, выплачивалось 50% назначенной пенсии [3]. В конце 30-х гг. снова поднялся вопрос о том, стоит ли обеспечивать работающих инвалидов и пожилых людей пенсией. Инструкция ВЦСПС и НКСО от 16.04.37 предусматривала выплату пенсии работающим инвалидам по месту работы для пенсионеров, работающих в государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях за счет страховых взносов. А постановление СНК СССР от 23.12.1938 «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования...» уже прямо и однозначно указывало, что «пенсионерам, продолжающим работать после назначения им пенсии по старости, эти пенсии выплачиваются независимо от заработка» [4]. Перестали учитывать заработок, получаемый инвалидами I и II групп за работу на дому, которую им предоставляли инвалидные артели. И даже если заработок этих инвалидов превышал минимальный заработок, за инвалидом сохранялось право на половинную пенсию.

Таким образом, именно в это время был создан прецедент выплаты пенсии работающему инвалиду или престарелому. В стране формируются два феномена – «нетрудоспособного работника» и «работающего пенсионера», – которые со временем стали отличительной особенностью советской социальной политики. И если с точки зрения рационального использования рабочей силы и финансовых средств государственного бюджета двойное обеспечение абсурдно, то с позиции построения социализма (пусть даже формально, в качестве идеологической вывески) подобное поощрение «рабочего класса» вы-

глядело не только в глазах советских людей, но и всего мира серьезным достижением.

Литература

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.р-446. Оп.1. Д.11. Л.93
2. Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию (утв. Постановлением СНК СССР от 13.02.1930) / URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp.
3. ГАТО. Ф.р-562. Оп.1. Д.5. Л.63-66.
4. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 23.12.1938 «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» / URL: http://www.lawmix.ru/docs_cccp.

«Западно-восточные отражения» Льва Копелева

Кожевникова А.М.

г. Новороссийск, Новороссийский исторический музей-заповедник

Главным словом XXI века – века глобализации и межнациональных конфликтов – должно стать слово-призыв «толерантность», так как она есть «решающее условие сохранения жизни на планете Земля» [1].

Нетерпимость к кому-либо или чему-либо, как правило, является результатом незнания и, как следствие, непонимания и неприятия, часто враждебного и агрессивного. Если речь идет о взаимоотношении наций и народов, то последствия такого непонимания и неприятия могут быть самими катастрофическими, вызывая трансформацию образа другого или чужого в образ

врага. Мирное сосуществование государств и народов труднодостижимо, но жизненно необходимо. Но как писал великий гуманист Лев Копелев, цитируя великого немецкого писателя И. В. Гете, нет необходимости в том, чтобы нации любили друг друга, они «должны узнать друг друга, понять друг друга, и <...> хотя бы научиться терпеть друг друга» [2].

Взаимоузнаванию народов России и Германии, двух стран, чья взаимная история полна катастроф и предостережений, посвящен «Вуппертальский проект» Л.З. Копелева, – писателя, литературоведа, офицера пропаганды, узника ГУЛАГа, вынужденного эмигранта.

Весной 1981 г., вскоре после выезда в ФРГ и лишения советского гражданства, Копелев получил предложение о так называемой «исследовательской профессуре» (проведение некоего исследовательского проекта без учебной нагрузки). Тему исследования он выбрал сам – реализация давней мечты о рассмотрении «Западно-восточных отражений», то есть русско-немецких образов друг друга на протяжении всей истории взаимоотношений двух народов, в целях преодоления шовинистических предрассудков, создания плодотворного и, главное, мирного диалога двух культур.

Издание «Западно-восточные отражения» состоит из двух серий: «Русские и Россия глазами немцев» (серия А) и «Немцы и Германия глазами русских» (серия В). Каждый том охватывает определенный период времени – от нескольких столетий до нескольких десятилетий.

Основной принцип работы над томами проекта: «Предлагаемый читателю первый том из серии предусмотренных сборников включает в себя построенный по хронологическому принципу комплекс отдельных работ, связанных между собой тематически. Уже известные материалы интерпретируются в нем по-новому» [2].

В 1998 г. был выпущен «особый» том – «Германия и русская революция. 1917-1924». Этот том завершил «Вуппертальский проект»: «Данным томом будет дополнен исторически значимой главой начатый в 1982 г. проект

«Западно-восточных отражений», который поставил своей задачей исследование истории немецких образов России и русских» [3].

Главной целью Копелева в «Вуппертальском проекте» была необходимость демонстрации на примере российско-германских отношений, сколь обязательно для настоящего и будущего преодоление всех «образов врага», настойчивое внедрение «образов друга» и «соратника».

Литература

1. Kopelew L. Am Vorabend des großen Krieg // West-östliche Spiegelungen. Russen und Russland aus deutscher Sicht. 19.-20. Jahrhundert: Von der Bismarkzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von Mechthild Keller. München: Wilhelm Fink Verlag, 2000.
2. Копелев Л. Образ чужого в истории и современности // Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / Под ред. Я.С. Драбкина. М., 2002.
3. Kopelew L., Koenen G. Vorwort // WEST-ÖSTLICHE SPIEGELUNGEN. Deutschland und die Russische Revolution. 1917-1924. Hrsg. Von Gerd Koenen und Lew Kopelew. München, 1998.

Буддийская община калмыков в политике России в XIX в.

А.А. Курапов

*г. Астрахань, Астраханский государственный объединенный
историко-архитектурный музей-заповедник*

Буддизм как идеология и буддийское духовенство, как наиболее активный социальный институт играли большую роль в истории приволжских калмыков в XVII-XIX вв. В «ханский период» (XVII-XVIII вв.) буддийская община и буддийские первосвященники играли большую роль в политической жизни реализуя собственную политическую программу развития общества. После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. управление внутренней жизнью

общины постепенно переходит из-под юрисдикции калмыцкой аристократии к правительству. Основным направлением политики правительства становится ограничение политического влияния буддийского духовенства, сокращение штатов монастырей, включение духовенства в региональную административную систему. 14 октября 1800 г. Павлом I была подписана жалованная грамота, по которой главой калмыцкого духовенства был утвержден Собинг-бакши, которому устанавливалось государственное жалование [1].

На протяжении всего XIX в. региональные власти активно стремились ограничить влияние буддийского духовенства через законодательные акты, регулировавшие внутривластную жизнь Калмыцкой степи. По «Правилам для управления калмыцким народом» 1825 г. духовенство продолжало играть важную роль во внутривластной жизни Калмыцкой степи, участвуя в Комиссии калмыцких дел и национальном суде Зарго. Но уже «Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. вносило определенные изменения в положение буддийской монашеской общины [2]. Лама калмыцкого народа назначался императором по представлении МВД, создавалось новое учреждение – Ламайское духовное правление, подчинявшееся астраханскому военному губернатору и МВД. Ламайское духовное правление занималось вопросами статистики, контролем над хозяйственной жизнью монастырей, решало кадровые вопросы, осуществляло суд над духовенством. Решения правления утверждались Советом Астраханского калмыцкого управления. В 1834 г. вводилось ограничение на увеличение числа монастырей и духовенства: число хурулов не должно было превышать 76 (30 больших и 46 малых), численность необходимого духовенства определялась в 2650 человек. По состоянию на 1836 г. в Калмыцкой степи насчитывалось 1667 человек. духовенства, 30 больших и 46 малых хурулов. Усиление ограничительной политики правительства по отношению к буддийской общине отмечается в «Положении об управлении калмыцким народом» 1847 г.: упраздняется Ламайское духовное правление, духовная власть сосредото-

вается в руках Ламы калмыцкого народа, который избирался на съезде бакшей улусов, утверждаемого императором. В обязанности ламы входили кадровые вопросы, суд по брачно-семейным делам, наблюдение за благоустройством и содержанием хурулов. В 1847 г. разрешенное число хурулов в одном улусе определялось как три больших и пять малых, подвергались сокращению штаты монастырей: в малых – 18 человек, в больших – 36 человек. Общее число духовенства не должно было превышать 1530 человек [3]. В целом взаимоотношение буддийской общины (сангхи) приволжских калмыков и государства в XIX в. характерно как для религиозной, так и для национальной политики России. Процесс взаимодействия Калмыцкого ханства и Российской империи переходит в стадию государственного регулирования и ограничения национальных политических институтов. Региональные власти проводят последовательную политику по сокращению штата духовенства и секуляризации монастырского имущества, мотивируя это противодействием со стороны буддийского духовенства процессу социально-экономической и культурной интеграции калмыцкого народа в российское общество.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 26, № 19600.
2. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1836. Т. 40, № 30290.
3. Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста, 1994.

**Первые шаги государственной думы российской империи
в сфере парламентской дипломатии
(апрель – июль 1906 г.)**

В.А. Кустов

Реформирование государственного устройства страны в период Первой русской революции оказало значительное влияние на функционирование всего внешнеполитического механизма Российской империи. Создание парламента, расширение гражданских и политических свобод, появление политических партий существенно усложнили процесс формирования и реализации внешнеполитического курса правительства. На первых же заседаниях Государственной думы парламентарии включились в борьбу за расширение своих прав, заявив, что «не могут игнорировать вопросы внешней политики».

Свою международную деятельность российский парламент начинает с налаживания контактов со старейшей международной организацией – Межпарламентским союзом. Депутаты единогласно поддержали предложение глав английской и французской групп Межпарламентского союза (лорда Уирдела, барона Эстурнель де Констана) принять участие в XIV конгрессе организации, посвященном проблемам кодификации международного права и укрепления института международного посредничества.

Неоднократно обращаясь к причинам и урокам недавней русско-японской войны, депутаты весьма высоко оценивали деятельность Межпарламентского союза по пропаганде идей международного третейского суда, ограничения вооружений, регламентации военных действий. Кроме того, сотрудничество российского парламента с представительными учреждениями других стран открывало широкие возможности для парламентской дипломатии, способствовало повышению роли Государственной думы в формировании внешнеполитического курса России. «Не далеко то время ..., когда будут придавать значение не встречам эскадр, не визитам монархов, а когда будут придавать значение, как в настоящем случае, дружескому союзу народных представителей», – полагал трудовик И.В. Жилкин [1, стб. 1855].

На заседании Государственной думы 30 июня 1906 г. принимается решение вступить в Межпарламентский союз и направить своих представителей на XIV конгресс в столицу Англии. В состав русской парламентской делегации было избрано шесть человек: А.Ф. Аладьин (трудовая группа), А.В. Васильев (кадетская партия), М.М. Ковалевский (партия демократических реформ), М.Я. Острогорский (беспартийный), Ф.И. Родичев (кадетская партия), А.А. Свечин (кадетская партия) [1, стб. 1859].

Прибыв в Лондон, депутаты Государственной думы успели провести целый ряд встреч с представителями деловых и политических кругов Великобритании, лидерами парламентских групп других государств. Однако события в России нарушили запланированный ход визита. Открытие межпарламентского конгресса совпало с роспуском I Государственной думы. Председатель думской делегации М.М. Ковалевский был вынужден сделать заявление «о причинах помешавших нам принять участие в дальнейшей работе съезда и заставивших немедленно вернуться на родину» [2, с. 343]. Члены Межпарламентского союза с пониманием отнеслись к решению думцев. Приветствуя российских депутатов, английский премьер-министр Г. Кэмпбелл-Баннерман произнес фразу, имевшую большой резонанс в Петербурге: «Дума умерла, да здравствует Дума!» [3, л. 5; 4, с. 130]. Признание и поддержка со стороны правительств и представительных учреждений ведущих западных стран показали, что Государственная дума стала весомым фактором не только внутренней, но и внешней политики страны.

Таким образом, в апреле – июле 1906 г. думские фракции предприняли первые шаги по развитию межпарламентского сотрудничества, налаживанию постоянных контактов с государственными и общественными деятелями европейских стран. Впоследствии депутаты российского парламента стали постоянными участниками конференций Межпарламентского союза и, стремясь усилить свое влияние на внешнюю политику страны, превратили парла-

ментскую дипломатию в важнейшую форму участия Государственной думы в сфере международных отношений.

Литература

1. Государственная дума. Созыв первый. Полный стенографический отчет. Сессия первая. Т. 1-2. СПб., 1906.
2. Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005.
3. ГАРФ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 2.
4. Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989.

К вопросу об авторстве английского перевода «Псалмов царя Давида» (1627 г.)

Н.В. Ласкова

г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

К концу XVI в. интеллектуальный всплеск, вызванный шотландской Реформацией, постепенно угас. С переездом Джеймса I в Англию в 1603 г. шотландский язык стал редко использоваться при дворе, особенно для выражения поэтических настроений. В Лондоне процветали латынь, английская поэзия, проза и драма. Шотландец Уильям Александер из Менстри – придворный, последовавший в составе королевской свиты в Англию, был одним из немногих шотландских поэтов, которые первыми стали создавать свои сочинения на английском языке [1, р. 9]. Его имя, прежде всего, связывают с историей шотландской колонизации Америки и провозглашением Новой Шотландии в 1621 г. [2]. Однако свою придворную, а затем и предпринимательскую карьеру он сделал благодаря блестящему образованию и незаурядным

поэтическим способностям. Король Джеймс ценил творчество Александра и называл его «мой философский поэт» [3, p. 26].

Литературные сочинения королевского фаворита, среди которых встречаются произведения разных жанров – сонеты, трагедии, дидактические и философские поэмы, а также трактат, рекламировавший преимущества колонизации заокеанских земель, выдержали не одно прижизненное издание.

В историографии в меньшей степени вспоминают еще об одном таланте этого неординарного шотландца. В 20-е гг. XVII в. он предложил свою версию перевода «Псалмов царя Давида», выступив, ни много, ни мало, – в качестве соавтора самого короля Джеймса I Стюарта. Последний, по образному выражению шотландского писателя Томаса Эркхарта «родившись королем, стремился стать поэтом» [4, p. 266], и в своем желании прославиться на литературном поприще задался целью заменить английскую и шотландскую версии «Псалмов» своим вариантом перевода. Однако на момент смерти Джеймса в 1625 г. был переведен только 31 псалом. Александр, который консультировал монарха, решил закончить перевод, попутно отредактировав уже имевшийся переведенный текст, и приписать авторство покойному королю. К 1627 г. этот серьезный труд был завершен, и с согласия короля Чарльза I Стюарта издан под именем его покойного отца.

Предполагалось, что этот перевод в качестве канонического будет введен во всех владениях британской короны. Однако Генеральная Ассамблея шотландской церкви отвергла его, сославшись на то, что предлагаемый новый вариант содержит в большей степени мирские, нежели церковные образы. В частности, луна представала как «бледная леди ночи», а солнце как «лорд света». Тем не менее, сформированный Ассамблеей комитет, работая над своим вариантом корректировки текста «Псалмов», в числе предлагаемых переводов не исключил полностью и версию Александра. Результатом этих коллективных усилий стал перевод псалмов, который, по крайней мере, до конца XIX в. использовался шотландской пресвитерианской церковью [5, p.

80]. И хотя неясно, в какой степени в нем сохранился вариант Александера, его мастерство переводчика, так или иначе, не осталось незамеченным, оставив свой след и в религиозной литературе.

Литература

1. Slafter E. Sir William Alexander and American Colonization. Boston, 1873.
2. Finnan M. The First Nova Scotian. The Story of Sir William Alexander and His Lost Colony of Charlesfort. Halifax, N.S. 1997.
3. A Biographical Dictionary of eminent Scotsmen /Ed. by R. Chambers. Vol I. London-Glasgow-Edinburgh, 1875.
4. The works of Sir Thomas Urquhart, Knight. Reprinted from the original editions /Ed. by T. Maitland. Edinburgh, 1834.
5. Patterson G. Sir William Alexander and the Scottish Attempt to colonize Acadia //Proceedings and transactions of the Royal Society of Canada. Ser. 1. V. 10. Ottawa, 1893.

Развитие образования в Дагестане в конце XIX – середине XX вв.

3.Ш. Магомедова

г. Махачкала, Дагестанский государственный университет

В истории народов нашего государства, в том числе и Дагестана, трудно выделить период более богатый судьбоносными для народов страны событиями, чем рубеж конца XIX–середины XXвв. Поэтому необходимо еще раз оглянуться назад, чтобы осмыслить пройденный этап.

Характеризуя трудности культурной революции в Советской России В.И. Ленин писал: «Для нас культурная революция представляет невероятные трудности чисто культурного свойства /ибо мы безграмотны/ и свойства материального/ ибо для того, чтобы быть культурными, нужна известная материальная база/» [1].

Колониальная политика царского правительства задерживала рост культуры народов, населяющих национальные районы России, в том числе и Дагестана, закрывая доступ широким инородным массам к просвещению, держала их в темноте и невежестве.

В результате политики, проводимой царским правительством, среди нерусских народностей процент грамотности и уровень культуры были крайне низкими. По данным первой всеобщей переписи 1897г. грамотность населения Дагестана составляла 9,2 % [1]. Все обучение строилось на чтении Корана, религиозных сборников об обязанностях истинного мусульманина, изучении правил богослужения, заучения и чтения молитв, соблюдения постов, совершения намаза. Все это изучалось на не понятном ученикам арабском языке.

На распространение грамотности на современной графике (кириллице) среди местного населения большое влияние оказали русские школы, число которых постепенно росло после окончательного присоединения Дагестана к России. Новый период в истории просвещения народов Дагестана характеризуется появлением светских учебных заведений, где дети, в основном зажиточных слоев населения, стали обучаться основам современных знаний. Общее число таких школ к концу XIXв. достигало по официальным данным – 26, из них 14 школ с 1403 учащимися функционировало в городах и 12 школ – в сельской местности с 493 учащимися, в том числе 25 девочек [2].

Из-за плохого финансирования школьного образования государством, подавляющая часть материальных расходов по строительству и содержанию школ ложилась на плечи местного населения.

Темпы развития школьного развития возрастают только во втором десятилетии XX в. За 1910-1915 гг. в Дагестане построено около 30 школ. В 1915 г. в Дагестанской области насчитывалось 93 школы, в том числе в сельской местности – 60, с 7092 учащимися [2]. Из них средних школ – 6, высших начальных училищ – 3, начальных училищ – 75 [1]. Особенно мало обучалось в школах девочек. Они составляли в городах и селах 12-14% от общего количе-

ства учащихся. При характеристике состояния народного образования в конце XIX в. и в начале XX в. образование в Дагестане давалось в основном выходцам из привилегированной дагестанской знати, детям зажиточных слоев городского и сельского населения и царских чиновников.

В резолюции X съезда партии «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» подчеркивалось, что культурное строительство в национальных районах является одной из общеполитических задач Коммунистической партии. Решение X съезда партии – ликвидация культурной отсталости народов национальных окраин.

В 1920 г. открыты 108 новых школ [2], а в городах Дербенте и Буйнакске – краткосрочные учительские курсы, на которых прошли обучение около 100 учителей [3]. В начале 1921г. В Дагестане функционировали 493 школы с 26202 учащимися [1]. В 1927-1928 гг. число учащихся достигло 27 700 человек.

На основе декрета « Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который провозгласил равенство всех религий, мусульманская религия из категории терпимого вероисповедания в России заняла в стране равноправное наравне с русской православной религией место. Эти документы послужили основанием для укрепления мусульманской школы в Дагестане, где были очень сильны традиции исламской культуры [1].

Важной частью школьной системы в Дагестане, как и во всей стране, являлись школы-интернаты и детские дома. К 1923 г. в республике было создано 32 детских дома и 11 интернатов. В конце 30-х гг. в связи с возросшей ролью русского языка, как языка межнационального общения, встал вопрос о переходе письменности народностей Дагестана с латинизированного алфавита на русский. Создание алфавита для дагестанских народов на основе русской графики согласно Указу Президиума Верховного Совета ДАССР от 3 февраля 1938г. способствовало дальнейшему подъему их культурного уровня, ускорило процесс их приобщения к культуре великого русского народа.

Литература

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.45.
2. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане /1920-1940гг./. Махачкала, 1960.
3. «Обзор Дагестанской области за 1899г.» Темир-Хан - Шура. 1990.
4. « Обзор дагестанской области за 1915 г.» Темир-Хан-Шура.1916.
5. Даниялов Г.Д. Строительство социализма в Дагестане. 1918-1941 гг. М., 1988.
6. Советский Дагестан. Махачкала, 1938.
7. ЦГАРД Ф34-р.Оп.1.Д.59.Л.8.
8. ЦГАРД Ф.117-р.Оп.6.Д.47.Л.21.
9. Булатов Б.Б. Из истории социально-экономического развития Дагестана в конце XIX-середине XX вв. Махачкала, 2003.

Викторианская урбанизация: динамика и исторический феномен

Е.К. Склярова

г. Ростов-на-Дону, Ростовский государственный медицинский университет

Длительное время в тени истории оставалось непосредственное развитие города, как целостного организма, объективного условия жизнедеятельности человека и общества. В XXI в. город становится значимым фактором социальной политики любого государства. Кроме того, историческая динамика и степень урбанизации того или иного государства стала одним из определяющих факторов современного развития. Однако специальных исследований по истории зарубежных городов в России недостаточно. В этом ракурсе возрас-

тает актуализация изучения социального опыта и динамики урбанизации стран Запада, в частности Великобритании.

Согласно переписи населения Великобритании 1851 г. городское население в Англии и Уэльсе стало преобладающим – 50,1% [1]. Перепись населения зарегистрировала, что доля городского населения впервые превысила долю сельского населения страны. Спустя столетие, более точные научные подсчеты количества городского населения Англии и Уэльса, предпринятые С. Лоу, указывали цифру – 54,4%. Ученый пришел к выводу, что уже к 1841 г. 48,3% населения Англии и Уэльса можно было рассматривать, как городское [2]. Ф.Томпсон указывал, что 1841 г. является пиком урбанизации Британии [3]. В середине XIX в. во Франции в крупных промышленных городах проживало всего 10% населения [4]. А в Российской империи, как известно, даже в начале XX в., около 80 % населения являлись крестьянами, проживая в сельской местности, большая часть которых были бывшими крепостными. В 1851 г. впервые одна пятая часть населения Британии проживала в «сити» и маленьких городах с населением 10000 человек и более. В 1851 г. в Лондоне проживало около 2 362 000 человек. К середине XIX в. страна стала первым урбанизованным государством. Население страны не только количественно считалось урбанизованным обществом, исходя из определения места проживания, но и постепенно качественно трансформировалось, приобретая специфические городские характеристики. Ежегодная концентрация населения в городах свыше 10000 человек была характерным явлением и в других странах Европы и Америки, но первое место в этой исторической эволюции мира принадлежало Англии и Уэльсу. Для сравнения необходимо указать, что в конце XVII в. пропорция сельского и городского населения Англии и Уэльса составляла, соответственно, 1: 4. В 1700 г. население этих регионов составляло около 5 млн. человек, 80% из которых проживало в сельской местности. А к середине XIX в. пропорция сельского и городского населения Англии и Уэльса составила 1:2 [5]. В России урбанизация была

минимальна по сравнению со странами Европы и США. Примечательно, что в России в начале XX в. в сельской местности проживало приблизительно такое же процентное соотношение сельского и городского населения, как в Англии и Уэльсе в 1700 г.

Таким образом, в 1841-1851 гг. Британия впервые получила статус единственного государства мира с преобладанием быстрорастущего урбанизованного общества. Британия первая трансформировалась в нацию городских жителей. В России урбанизация и концентрация городского населения была минимальна по сравнению со странами Европы и США до XX в. Резкий рост и концентрация населения стали историческим феноменом, одним из коренных отличий Англии и Уэльса от других стран мира в первой половине XIX в.

Литература

1. Census of Great Britain. (England and Wales) // P.P. 1851. Vol. CCIV – CCVII
2. Law C. M. The Growth of Urban Population in England and Wales, 1801-1911 // Transactions of Institute of British Geographers. 1967. Vol. 41.
3. Thompson F. M. Towns and Cities // The Cambridge Social History of Britain, 1750 - 1950 / Ed. by F. M. Thompson, Cambridge, 1990. Vol. 1.
4. Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии (1815-1917). М., 1959.
5. Walwin J. English Urban Life 1776-1851.L., 1984.

**Этнокультурное взаимодействие в Нижнем Присурье
во II половине XIV – XVII вв.**

М.И. Федулов

*г. Чебоксары, Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова*

Река Сура в своем нижнем течении протекает по территории современных республик – Чувашия, Мордовия и Нижегородской области. Во II половине XIV – XVII вв. здесь проходили сложные процессы межэтнического взаимодействия. Интерес к изучению Нижнего Присурья обуславливается появлением новых исторических, археологических, этнографических источников, меняющих представление об истории формирования полиэтничного регионального сообщества. Основная проблема исследования состоит в комплексном и междисциплинарном подходе к освещению ранее неисследованных этапов этнической истории современных присурских чувашей, русских, мордвы, марийцев и татар.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют разделить Нижнее Присурье на два региона этнических контактов. Приустьевая часть р. Сура – зона взаимодействия горных марийцев, мордвы-эрзи, чувашей и русских. Левобережная часть, до границ современной Мордовии, – зона взаимодействия русских, мордвы-эрзи и татар-мишарей (сергачская группа).

Первый этап этнокультурного взаимодействия в Среднем Поволжье проходил с участием местных финно-угорских племен и пришлых тюркоязычных болгар (X – середина XIV в.). На втором этапе, с середины XIV в. в систему этнических контактов средневожских народов включается славяно-русский компонент, который со второй половины XVI в. занимает доминирующее положение.

Нижегородские князья, опираясь на сеть укрепленных поселений, колонизировали земли мордвы до р. Пьяна и устья р. Сура. В результате чего образовалось русско-ордынское пограничье или одна из так называемых «кон-

тактных зон», где русские активно взаимодействовали с местным населением. Ярким примером, иллюстрирующим полиэтничный состав населения Нижнего Присурья, является крупное торгово-ремесленное поселение Курмыш-4. Керамическая коллекция данного памятника включает в себя образцы гончарного ремесла разных этнокультурных традиций: русская, мордовская и краснорощенная золотоордынская, а также гибридные типы посуды – «славяноидная» [1] и русско-мордовская керамика [2].

После падения Казанского ханства во второй половине XVI в. по левобережью начинают активно расселяться татары-мишари. В среде мордвы-эрзи происходят интенсивные процессы обрусения. В правобережной части Нижнего Присурья в результате частичной ассимиляции мордвы-эрзи и горных марийцев тюркоязычными болгаро-чуваши образовалась этнографическая группа чувашей – вирьял, от которых они переняли большое количество элементов материальной и духовной культуры [3].

Этнокультурное взаимодействие в Нижнем Присурье демонстрирует внутриэтнические и межэтнические объединительные процессы, приводящие к росту социально-экономических и культурных связей, совместному территориальному (смешанному или чересполосному) проживанию, распространению двуязычия, смешанных браков и ассимиляции части присурских чувашей, марийцев и мордвы.

Литература

1. Никитина Т.Б. К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Марийско-Чувашского Поволжья // *Finno-Ugrica*. 2005–2006. №9.
2. Грибов Н.Н. Об освоении Присурья в эпоху Золотой Орды // <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/gribov.htm?> (Дата обращения 07.07.2009 г.)
3. Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // *Болгары и чуваша. Сборник статей. Чебоксары, 1984.*

Взаимоотношения субъекта с федеральным центром – основа построения федерализма (зарубежный опыт)

Д. Ю. Филиппов

г. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Одной из основных идей построения и функционирования федерализма в России и во всем мире принципы имеют основополагающее значение, поэтому их исследование всегда представляется актуальным и значимым.

Нередко в правовой литературе указывается на принцип равноправия субъектов Федерации во всех сферах [1]. «Там, где федеративное устройство изначально выступает как целостная многофункциональная система, строго следующая принципам иерархичности и согласованности в деятельности всех составляющих ее частей, федерализм становится фактором, мобилизующим объединенные усилия регионов для решения задач экономического и социального развития, обеспечивая политическую стабильность и национальное согласие» [2, с. 198].

Федерализм как форма государственного устройства получил широкое распространение в современном мире. И среди мировых лидеров с федеративной формой государственного устройства наиболее близких как по территории, так и по многонациональному составу, это несомненно Канада и Соединенный Штаты Америки.

Мы, в первую очередь, обратим внимание на опыт построения взаимоотношений в Канаде. Ведь именно тенденции развития федерализма Канады и России являются яркими примерами федеративных государств с общими чертами: формирование федерации с учетом национального признака, многонациональность, разнообразие субъектов федерации. В данной работе остановимся непосредственно на основах распределения полномочий между цен-

тром и провинциями. Первый опыт по закреплению взаимоотношений между центром и провинциями в Канаде связан с принятием Конституции в 1867 г.

В настоящее время к исключительным федеральным полномочиям отнесено более тридцати сфер деятельности, среди которых следует выделить национальную оборону, поддержание и увеличение государственной казны, предоставление почтовых услуг, банковское регулирование, уголовное законодательство. В свою очередь провинции, обладают исключительными полномочиями в 16 областях: сфера образования, система прямого местного налогообложения, система административной юстиции и др. Каждая канадская провинция имеет свою конституцию, свой законодательный орган, пользуется правом издания законов по определенному, хотя и несколько ограниченному кругу вопросов.

Однако несмотря на более чем значительный опыт в развитии федерализма, в Канаде существуют еще и определенные проблемы, и одна из них самым непосредственным образом связана с взаимодействием субъекта с центром – это сфера взаимоотношений франкоговорящей провинции Квебек с остальными провинциями и с федеральным центром.

Федеральное правительство неоднократно предпринимало попытки кардинально изменить сложившуюся во взаимоотношениях с Квебеком кризисную ситуацию, ни одна из которых не привела к желаемому результату¹.

Канадское правительство до сих пор держит эту важную проблему в поле зрения. На федеральном уровне предприняты эффективные шаги по укреплению и развитию французского языка, который наравне с английским является официальным языком Канады. Законодательно выделяются определенные квоты для желающих занять государственные посты, которые могут быть использованы только франкоговорящими гражданами. Важнейшие экономиче-

¹ Имеется в виду подготовка «Мичлейкского» И «Шарлоттаунского» соглашений.

ские и политические решения не принимаются без согласования и учета позиции провинции Квебек.

Таким образом, построение федерализма в Канаде свидетельствует о том, что постоянные переговоры между сторонниками разных концепций, гибкий подход, соблюдение принципов демократии во взаимоотношениях субъектов с центром – именно это позволяет Канаде сохранить свою территориальную целостность и стабильность государства на протяжении длительного периода времени. В этом и заключается особенность взаимоотношений в федеральной Канаде.

Применяя данный опыт построения системы взаимоотношений между субъектом и центром в России все же следует учитывать многолетнюю историю развития именно Российских особенностей взаимоотношения субъектов с центром и ни в коем случае не забывать о том, что на протяжении более чем тысячи лет мы жили в унитарном государстве с монархической формой правления.

Литература

1. Российский федерализм: конституционные предпосылки и политическая реальность: Сборник докладов / Под ред. Н.В. Варламовой, Т.А. Васильевой. М., 2000.
2. Калина В. Ф. Национальные модели федерализма и особенности их становления // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2.; Алаев Э. Б. В поисках разумной региональной политики // Федерализм: Теория. Практика. История. 2002. № 2.
3. Чиркин В. Е. Федеральное принуждение: Россия и зарубежный опыт: (О взаимодействии федеральной государственной власти и государственной власти субъектов федерации) // Власть. 2000. № 6.; Hannum Н. *Autonomy, Sovereignty and SelfDetermination*. Philadelphia, 1990.

Организация профессиональной подготовки работников региональных прокуратур РСФСР в послевоенный период (1945 – 1949 гг.)

В.В. Фролов

г. Псков, Псковский государственный университет

Эффективность деятельности любой государственной структуры (института) напрямую зависит от профессионально-образовательного уровня ее кадрового состава. Органы прокуратуры в этом плане не являются исключением. Нынешнее руководство современной России должно это прекрасно понимать, а значит прикладывать все возможные усилия для повышения образовательного уровня прокурорско-следственных работников.

Если мы обратимся к сравнительно недавнему прошлому нашей страны: периоду восстановления советского государства из руин Великой Отечественной войны, то увидим, что в 1945 – 1949 гг. власти прикладывали колоссальные усилия по организации профессиональной подготовки кадрового состава органов региональных прокуратур РСФСР.

В послевоенный период большинство работников советской прокуратуры не имело необходимого профессионального (юридического) образования. Кадровый состав краевых, областных прокуратур тогда комплектовался в основном из числа бывших фронтовиков, иногда даже не имевших среднего образования.

В сложившейся ситуации Совет министров СССР и ЦК ВКП (б) предприняли ряд мер по повышению профессиональной квалификации кадрового состава органов прокуратуры. Все высшие юридические учебные заведения изымались из ведения Министерства юстиции и передавались в Министерство высшего образования СССР. Кадровая политика объявлялась приоритетом для всех органов советской юстиции [1].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» «все оператив-

ные работники аппарата прокуратур АССР, краев, областей, а также прокуроры городов и районов /по особому списку/ должны были к концу пятилетия [к 1951 г.] иметь высшее юридическое образование» [2, л. 91]. Остальные оперативные работники: прокуроры менее крупных городов и районов, помощники прокуроров и народные следователи, к тому же сроку должны были иметь юридическое образование в объеме не ниже юридической школы [2, л. 91].

Во второй половине 1940-х гг. всем прокурорам и следователям была поставлена конкретная задача: посредством широко развивавшегося в те годы в советском государстве заочного обучения получить высшее или среднее юридическое образование.

В 1945 – 1949 гг. региональные прокуратуры РСФСР осуществляли следующие мероприятия, направленные на повышение профессионально-образовательного уровня своих сотрудников: 1) отправка кадров на обучение в ВЮЗИ и ЗЮШ в соответствии с разверсткой Прокуратуры РСФСР; 2) проверка выполнения заочниками учебного плана; 3) организация и проведение учебно-методических семинаров и конференций; 4) проведение стажировок прокурорско-следственных работников при отделах территориальных (краевых, областных) прокуратур [3, л. 4; 4, л. 5]. К началу 1950-х гг. общая численность сотрудников территориальных прокуратур РСФСР с высшим и средним юридическим образованием возросла с 31,3 до 71,6%, то есть на 40,3% [1].

Таким образом, можем сделать следующие выводы: 1) во второй половине 1940-х гг. в СССР произошло резкое повышение общего образовательного и профессионального уровня прокурорских кадров; 2) аппарат региональных прокуратур был практически полностью очищен от безграмотных людей; 3) несмотря на все успехи в деле укомплектования краевых и областных прокуратур РСФСР специалистами с высшим и средним юридическим образованием, проблема низкого образовательного уровня кадрового состава региональных прокуратур советского государства до конца еще не была решена.

Начало 50-х гг. XX в. для органов региональных прокуратур РСФСР проблема повышения профессионально-образовательного уровня своего кадрового состава по-прежнему оставалась актуальной, но уже не такой катастрофичной.

Литература

1. Кодинцев А.Я. Кадровая кампания в системе органов юстиции СССР в 1946-1955 гг. / URL: http://www.juristlib.ru/book_5469.html (дата просмотра: 22. 10. 2011).
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1472. Оп. 2. Д. 83.
3. ГАПО Ф. Р-1472. Оп. 2. Д. 106.
4. ГАПО Ф. Р-1472. Оп. 2. Д. 143.

Образовательный уровень духовенства Донской епархии середина XIX – начало XX веков

А.В. Шадрина

г. Ростов-на-Дону, Педагогический институт ЮФУ

Духовное сословие пореформенной России, в том числе и Области войска Донского, было вовлечено государственной властью в важнейший процесс той эпохи – на духовенство было возложено служение на ниве народного образования. Священно- и церковнослужители не только открывали школы при приходских церквях, но и преподавали в них. В связи с этим, а также в контексте осмысления места духовного сословия Донской епархии в жизни Области войска Донского, представляется небезынтересным вопрос образовательного уровня священно- и церковнослужителей.

Если ко времени открытия на Дону самостоятельной епархии (1829) донское духовенство в 90 % не имело специального семинарского образования (как правило, образование священно- и церковнослужителей ограничивалось домашним) [1], то вторую половину XIX в. по праву можно назвать пиком образованности духовного сословия. Во-первых, разграничение войсковой и архиерейской власти на Дону в 1835 г., связанное с принятием «Положения об управлении Донским войском», дало возможность на уровне правящего архиерея реализовать положение «Духовного регламента» об обязательном семинарском образовании духовенства [2], и с 1850-х гг. на Дону священного сана удостаивались только выпускники семинарий. Поскольку в Донской епархии духовная семинария была открыта только 1 октября 1868 г. [3], будущие священники были выпускниками следующих семинарий: Воронежской, Тамбовской, Кавказской (г. Ставрополь), Орловской, Рязанской, Астраханской и даже Иркутской.

В отличие от священства, образовательный ценз диаконов был несколько ниже – ставленники допускались к диаконской хиротонии после окончания духовных училищ, география которых была также самой различной. Церковнослужители Донской епархии середины XIX в. имели среднее образование – в большинстве случаев они были выпускниками духовных училищ, но поступление на должности дьячков и пономарей (в 1868 году объединенных в должность псаломщика [4]) не воспрещало иметь аттестаты других учебных заведений, например, приходских училищ, церковно-учительских школ и др.

К началу XX в., одновременно с изменением состава донского духовного сословия (помимо иногородних представителей духовного сословия и выходцев из казаков и духовенства казачьего происхождения, среди духовенства Донской епархии появляется немалый процент крестьянства), заметно снижается уровень образованности священно- и церковнослужителей. Исследование послужных списков духовенства Донской епархии показывает, что с 1890-х гг. к должности псаломщика стали допускаться выпускники гимназий,

начальных церковных училищ и церковно-приходских школ, диаконам дозволялось иметь только 2-3 класса духовного училища, а священники могли быть выпускниками духовных училищ.

Таким образом, образовательный уровень духовенства Донской епархии на протяжении XIX в. претерпевал значительные изменения: от отсутствия семинарского образования в начале века, до высокого уровня образованности в середине века, и вновь его снижения к началу XX в.

Литература

1. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1254.
2. ПСЗ. Т. VI. № 3718. С. 330.
3. ГАРО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
4. Суворов Н. С. Курс церковного права. Ярославль, 1889—1890. / URL: http://monar.ru/index.php?article=download/pravila/Suvorov_N_S_Uchebnik_tserkovnogo_prava&format=html&page=52

Турецкая община ФРГ. Проблемы интеграции

В.Ю. Щербаков

г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет

Заявления ведущих немецких политиков о провале попытки строительства в Германии мультикультурного общества, отчетливо показали серьезность проблем, связанных с присутствием на территории ФРГ значительных групп этнически и культурно чуждого населения. Крупнейшей этнической группой современной Германии после немцев является община выходцев из Турции, официально составляющая 1,94 миллиона человек [1]. Реальные цифры гораздо больше, поскольку статистика не учитывает сотни тысяч турок, получивших в

разное время немецкое гражданство, и их потомков. Появление в Германии турецкой диаспоры приходится на вторую половину XX в. В 1961 г. немецкое правительство заключает с Турцией соглашение о привлечении рабочей силы и уже в 1964 г. на территории ФРГ находилось 462 200 выходцев из Малой Азии. Между тем, высокий уровень жизни в Германии и либеральное законодательство побуждали к миграции все новых граждан Турции. В 1973 г. «почти миллион турок жили в ФРГ, а 1,2 миллиона ждали дома выезда» [2, с. 24]. Если первоначально подавляющее большинство выходцев из Турции находились в Западной Германии вполне легально, то со временем они стали проникать в ФРГ любыми доступными способами. Кроме того, теперь турки брали с собой жен и детей и не планировали возврата домой.

С середины 70-х гг. во всех крупных городах Западной Германии начинают складываться «турецкие кварталы». Обычно это достаточно бедные и малопривлекательные для коренного населения районы со слаборазвитой социальной инфраструктурой. Хотя до сих пор «в немецких городах нет чисто турецких кварталов, но признаки геттоизации очевидны: оттуда, где живет много гастарбайтеров и особенно турок, немцы уезжают» [3, с. 147]. В государственных школах, расположенных в местах компактного проживания турок и официально числящихся немецкими, иностранцы часто составляют более половины учащихся, из которых более половины являются турками. Соотношение населения в крупных немецких городах постепенно меняется в пользу турок даже без притока новых мигрантов из Малой Азии, поскольку рождаемость среди них в три раза выше, чем у немцев. Турки «сильно предрасположены жить большими семейными общинами, ищут близкого соседства со своими земляками и насколько это возможно защищают свою окружающую среду» [4, с. 16]. Несмотря на то что многие турки являются немецкими гражданами, «прежняя родина» и для детей мигрантов в третьем поколении остается истинной родиной» [5, с. 37]. Все это порождает серьезные проблемы с интеграцией турок в немецком обществе. «Врожденное стремление турок изолироваться и придерживаться тради-

ционных социальных форм, разумеется, негативно сказывается на процессе приспособления к обществу и культуре страны пребывания» [6, с. 17]. Турецкие дети плохо владеют немецким языком и учатся гораздо хуже своих сверстников из других национальных общин. Отсутствие качественного образования лишает молодых турок шансов на получение достойной работы. Высокая безработица, царящая в турецких кварталах крупных немецких городов и социальная незащищенность, толкают многих выходцев из Турции на преступления и в ряды религиозных экстремистов. Кризисные явления в экономике ФРГ усиливают напряженность во взаимоотношениях немцев и турок. Проблемы турецкой общины в Германии быстро приобретают взрывоопасный характер и могут угрожать стабильности немецкого общества.

Литература

1. Ermisch H. Minderheitenschutz ins Grundgesetz? Münster, 2000.
2. Ticky R. Warum es kein „Ausländerproblem“ gibt. München/Zürich, 1990.
3. Paralekas Chr. J. Die Ausländerfrage. Bielefeld, 1983.
4. Lengsfeld V. Zuwanderung versus Familienpolitik//Die politische Meinung. September. 2000. № 394.
5. Paralekas Chr. J. Die Ausländerfrage. Bielefeld, 1983.
6. Die Türken kommen – rette sich, wer kann // Der Spiegel. 1973. № 31.
7. Statistisches Jahrbuch 2003. Für die Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden, 2003.

**Общественная организация «Курултай алтайского народа»
в сосредоточие проблем родового движения в Республике Алтай**

Т.С. Ябыштаев

г. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет

В Республике Алтай период этнического возрождения выразился в формировании родового движения. Каждый из алтайцев знает свою принадлежность к конкретному роду (сёок), переходящему от отца. В начале 1990-х гг. каждый род избирал своего главу, назвав его по-старинному *зайсан* [1]. К 1997 г. было избрано 12 родовых глав и создана общественная организация «Курултай алтайского народа». Ее создание выражает актуальность проблем внутриэтнической жизни алтайцев: сохранение родового сознания, родовых обычаев экзогамии, взаимопомощи и авункулата, регулирование финансовых затрат при сватовстве, возрождение родового управления.

В структуре организации заложен родовой принцип, состоящий в том что в исполнительный комитет входят зайсаны сёоков. Имеет значение гендерный принцип: зайсаном избирается семейный мужчина старшего возраста. Прошло шесть съездов, на которых, как показывает практика проведения, весомое мнение и авторитет имеют мужчины, их предложения, оценка этнической ситуации и родовых проблем. В структуре управления прослеживается наложение территориального принципа на родовой, когда на съезде Курултая регистрируются делегации, называющие себя не только по сёоку, но и по району проживания.

Со временем многие политики-алтайцы стали использовать общественную организацию как средство получения поддержки народа на время предвыборной кампании. Как показывает жизнь и ожидания общества должность Эл Башчы (Глава народа) имеет высокий статус, выражающий мнение алтайцев. За последние пять лет наблюдается «застой» в решении внутриэтниче-

ских проблем и причина его видится в том, что во главе Курултая стоят люди преклонного возраста. Среди влиятельных общественных деятелей из алтайцев сформировались две команды, прозванные «национальными бюрократами» и «молодыми тиграми». Лидером первой группы является первый вице-премьер Республики Алтай Ю.В. Антарадонов, который стоял у истоков создания «Курултая» и был первым избран Эл Башчы. В его группу входит большинство министров, глав ведомств и муниципалитетов. Группа «молодых тигров», возглавляемая У. Князевым, проявила себя после выборов в Госсобрание РА в 2010 г., уверенно победив в нескольких районах республики. Они резко критикуют деятельность «бюрократов, «предавших интересы коренного населения и забыли о нем» [2].

Весной 2011 г. истек срок Эл Башчы Б.К. Алушкина, что явилось поводом для столкновения двух групп в борьбе за лидерство. Группа Антарадонова провела собрание глав районов и объявила его «чрезвычайным» Курултаем, на котором избрали Э. Татина из мэрии. В газете «Листок» и на сайтах Интернета появились сообщения, доказывающие незаконность прошедшего съезда [3]. В ответ на это «молодые тигры» созвали «альтернативный» Курултай, на котором У. Князев был избран Эл Башчы. Таким образом, общественная организация «Курултай алтайского народа» оказалась в сосредоточии актуальных проблем родового движения. Наиболее актуальным оказался вопрос о двоевластии: на двух разных съездах Курултая были избраны два Эл Башчы. Некоторые зайсаны заявляли, что Курултай изжил себя, а другие – эта организация необходима народу, но требуется ее реорганизация.

Литература

1. Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. (<http://history.riss.ru/publ/gum2009>).

2. Ябыштаев Т.С. Общественная организация «Курултай алтайского народа» как объект политической борьбы // Этнография Алтая и сопредельных территорий (матер. конф.). Барнаул, 2008. Вып. 8.
3. «Молодые тигры» начали подготовку к Курултаю алтайского народа // Газета «Листок» / (<http://www.listock.ru>)